

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации Митлянской Марии Борисовны на тему: «Концепция бытийной истории Мартина Хайдеггера», представленной на соискание ученой степени кандидата философских наук по научной специальности 5.7.2. История философии

Диссертация Митлянской Марии Борисовны посвящена историко-философскому исследованию малоизученных в России 65, 66, 69, 70, 71, 73.1, 73,2 томов "Gesamtausgabe" Мартина Хайдеггера, в которых содержится изложение его бытийно-исторической концепции. Обращение к указанным сочинениям имеет важное значение для более глубокого понимания мотивов и установок так называемого "Поворота" в философском мышлении Хайдеггера: перехода от построения фундаментальной онтологии к концепции бытийно-исторического мышления. Реконструкция творческой эволюции Хайдеггера, определение точек разрыва и моментов преемственности в его философском мышлении, чем, собственно, и занимается Мария Борисовна в рамках своего диссертационного исследования, представляет безусловный историко-философский и теоретический интерес.

Диссертационное исследование имеет ясную структуру. Оно состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы. Во введении обосновывается актуальность темы исследования, даются терминологические указания, рассказывается о степени изученности концепции бытийной истории в отечественной и зарубежной философии, определяются цель, задачи, объект и предмет исследования, описывается методологическая стратегия, формулируются научная новизна и положения, выносимые на защиту. В первой главе «Предпосылки развития бытийно-исторической концепции М. Хайдеггера. Онтологическое измерение философии истории» Мария Борисовна дает обзор тех философских концепций истории, которые так или иначе повлияли на становление взглядов Хайдеггера. Среди них концепции Гегеля, Маркса, Энгельса, Дильтея, Риккерта, Лессинга, Шпенглера, Юнгера, Ясперса. При этом, как замечает диссертант, разбирательство с данными концепциями не подтолкнуло Хайдеггера к выработке новой или совершенствованию имеющейся методологии исторической науки. История как наука дает нам некоторую хронологию событий, но при этом упускает из внимания нечто иное, обладающее первостепенной важностью – сам феномен историчности. Зачастую этот феномен пытались подменить экспликацией логики исторического процесса. Однако, с точки зрения Хайдеггера, историчность не есть нечто внешнее или

привходящее по отношению к той или иной бытийной определенности, способное, например, быть отмысленным от нее ради концептуализации некоторой вневременной сущности. Историчность, по Хайдеггеру, есть черта человеческого присутствия. Другими словами, ни сам человек как биосоциальное существо не существует вне истории, ни его собственное понимание того, как он есть, его онтологическая рефлексия, не свободны от исторической динамики. Эту связь историчности и бытийной определенности или бытийной понятности человека, как выражается Хайдеггер, наука постичь не в состоянии. Осмысление единства бытийно-исторического феномена по силам только философии, является центральной темой онтологии. Во втором параграфе первой главы Митлянская М.Б. прослеживает историко-философские предпосылки герменевтического метода, посредством которого Хайдеггер разрабатывает концепцию бытийной истории. В этом контексте она рассматривает "косвенный метод" Кьеркегора, "понимающий метод в психологии" Дильтея и "феноменологическое усмотрение сущности" Гуссерля. Диссертант утверждает, что "прямым предшественником герменевтического метода Хайдеггера является понимающий (описательный) метод Дильтея" (стр. 70), тогда как влияние Кьеркегора и Гуссерля имело, скорее, косвенный характер. Во второй главе "Историчность в проблемном поле онтологии" рассматриваются ключевые понятия концепции бытийной истории. Затем предпринимается оригинальная попытка "приложения изученных бытийно-исторических понятий и метода герменевтического усмотрения сущности на материале философского осмысления феномена мифа"¹ (стр. 91). Выясняется, что, если историография рассматривает миф как некое архаичное предание, не имеющее ничего общего с современной действительностью, одновременно блокируя возможность диалога с традицией, Хайдеггер видит в мифе возможность более глубокого понимания бытийной фактичности человека, события человеческого присутствия в мире и его исторической (в том числе, например, дискурсивной) определенности. В третьем параграфе второй главы реконструируется хайдеггеровская критика доминирующей в то время концепции университетского образования, обсуждается отношение Хайдеггера к политике. Третья глава "Герменевтика фактичности периода бытийной истории" посвящена описанию того, как историчность, фактичная историчность, определяет человеческое присутствие, онтологическую фактичность. Митлянская М.Б. усматривает специфику бытийно-исторической концепции Хайдеггера в том, что, по сравнению с его ранним онтологическим проектом, здесь происходит смена исследовательского

¹ Цитата приведена без изменений.

аспекта: немецкий мыслитель переносит фокус внимания с фактичности индивидуального человеческого присутствия на фактичность надиндивидуального человеческого присутствия, людского сонмища. Эта фактичность, в свою очередь, обусловлена уже не исходной временностью (как это было в "Бытии и времени" и марбургских лекциях), а исторической фактичностью, то есть набором обстоятельств, обуславливающих ситуацию понимания человеком того, как он есть. С точки зрения Хайдеггера, феномен раскрывающегося перед человеком понимания собственной бытийной фактичности лучше всего можно описать через категории "непотаенности" и "события". При этом важно удержаться от того, чтобы опознать в непотаенности объективность, а в событии – момент времени. По этому пути, согласно Хайдеггеру, идет традиционная историография. Диссертант же утверждает, что и "непотаенность", и "событие" характеризуют в философии Хайдеггера особый режим встречи со смыслом: один смысл здесь не добавляется к другим как в копилке, но как бы просветляет, проясняет, открывает человеку глаза на до конца невыразимую фактичность его бытия в мире.

Несмотря на все достоинства данной работы, диссертация Митлянской М.Б. не лишена некоторых недостатков.

По ходу чтения диссертации можно обнаружить противоречие, касающееся понимания метода концепции бытийной истории. С одной стороны, Мария Борисовна говорит о том, что Хайдеггер использует особый (не шлейермахеровский) герменевтический метод. Иногда она называет его "методом философской герменевтики", иногда – "методом выявления смысла". В диссертации есть раздел, посвященный генезису данного метода, точнее описанию непохожести техники работы Хайдеггера на технику работы Кьеркегора, Дильтея и Гуссерля. Говорится о влиянии трех вышеупомянутых философов на становление метода разработки смысла у Хайдеггера. Диссертант утверждает, что "прямым предшественником герменевтического метода Хайдеггера является понимающий (описательный) метод Дильтея" (стр. 70). С другой же стороны, нигде в тексте диссертации нет внятного изложения сути того герменевтического метода, которым пользовался Хайдеггер. Более того, периодически делаются заявления о том, что "...создание фиксированных методик, которым должно подчиняться мышление..., не характерно для позднего периода творчества философа" (с. 64), что "бытийно-историческая концепция Мартина Хайдеггера не несет методологической нагрузки..." (с. 63). Возникает вопрос: можно ли понимать "отсутствие методологической нагрузки" как отсутствие метода? А если метод у Хайдеггера все же присутствует, тогда в чем он состоит? Не кажется

ли Марии Борисовне, что, рассуждая о методе построения бытийно-исторической концепции, который сам Хайдеггер вполне эксплицитно отвергал, она сознательно или бессознательно совершает насилие над этой концепцией, навязывая ей извне некую методологию ("...в своих работах Хайдеггер не использует какое-либо специальное обозначение и вообще не выделяет методов концепции бытийной истории. Такой подход в известной степени противоречит его идеям (поскольку метод – атрибут науки), но не противоречит историко-философским задачам диссертационного исследования" (с. 66))?

Как представляется, подобные недоумения возникают в силу того, что диссертант как-то по-своему понимает метод. Много говорится о том, что Хайдеггер использует интерпретативный метод, который применяется к разработке смысловой реальности. При этом, смысл не преддан и не статичен. Тогда возникает другой вопрос: а можно ли это вообще назвать методом? Традиционно метод связывается с наложением некоторых ограничений, которые, собственно, призваны направлять познающего к цели. Каковы границы интерпретации? Обозначает ли как-то их Хайдеггер? Можно ли говорить о результативности метода, если изначально принимается предпосылка о неуловимой динамичности смысловой реальности? Не согласилась ли бы Мария Борисовна с тем, что для описания техники работы Хайдеггера было бы лучше подобрать какое-то иное слово, нежели "метод"?

Неоднозначное впечатление оставляет вторая глава диссертации. В первых двух параграфах действительно разъясняется, что именно Хайдеггер понимал под историчностью и как это связано с концептуализацией бытия. Кажется, Мария Борисовна, абсолютно верно передает главную мысль немецкого мыслителя, что, мол, историю не следует понимать как попытку реконструировать минувшую действительность во всех нюансах. Это невозможно не только чисто технически. Это невозможно в силу устройства самого феномена историчности. Мы всегда воспринимаем нечто на определенном отдалении. При этом чем больше дистанция, тем множественнее и непроницаемее оказываются смысловые вуали, скрывающие от нас "то самое". Но в этом утаивании или самоскрывании как раз и заявляет о себе бытие. Мы как бы пресыщаемся этой дистанцией, этими смысловыми нагромождениями и понимаем, что данный завал образовался не сам по себе, данный завал образовался в качестве реакции на магнитическую силу допредикативной бытийной понятности, имевшуюся у древних. Во втором параграфе второй главы эти идеи получают дальнейшее развитие в очень интересной интерпретации мифа. Мария Борисовна пытается здесь представить миф не как рудимент архаичного сознания, через

преодоление которого философия становится философией и тем самым возвышается над мифом, но как манифестацию некоторой бытийной необходимости или, как она пишет, "нужды" (сопротивляться которой человек просто не в силах), которая затем огрубляется, искажается и всячески деформируется в той философии, которая становится метафизикой. Однако далее, в третьем параграфе второй главы "Бытийная история и метаполитика", разговор заходит о чем-то совершенно другом: рассказывается о дискуссиях вокруг "Черных тетрадей", обсуждается политический контекст концепции бытийной истории, анализируется отношение Хайдеггера к национал-социализму, рассматриваются взгляды немецкого философа на реформирование университетского образования. Отдавая должное проделанной Марией Борисовной работе, все же кажется, что этот параграф является избыточным в структуре второй главы. Совершенно не понятно, как политическая ангажированность Хайдеггера раскрывает тему "Историчность в проблемном поле онтологии". Можно предположить, что Мария Борисовна говорит здесь об историчности в смысле эволюции социально-политических взглядов Хайдеггера, о рассуждениях немецкого философа над современными ему общественными процессами. Но в таком случае встает вопрос: не возникает ли путаницы в понятиях? Что именно понимается под онтологией: учение о бытии как таковое или совокупность предпосылок (социально-политические обстоятельства, а также индивидуальные склонности), которые обуславливают появление того или иного мышления о бытии, той или иной онтологической концепции?

Третья глава, как показалось, написана наиболее внятно. Есть лишь отдельные недоумения. Что имеет в виду Мария Борисовна под отказом Хайдеггера от кантианской дихотомии "априорное-синтетическое суждение" (с. 132)? Также очень загадочно звучит название § 3.4 "Категория Божественного. Онтологическая структура Бытия". Означает ли это, что Мария Борисовна допускает тем самым, что есть некое Бытие, и у этого Бытия есть некая структура? Если да, то как можно себе это помыслить?

Сложилось впечатление, что местами текст плохо вычитан, поскольку встречаются такие выражения: "Мартин Хайдеггер уделил немалое время изучению и анализу феноменологии Гегеля" (с. 34), "опираясь даже только лишь" (с. 34), "принимая во внимание античные исследования Хайдеггера" (с. 35), "Хайдеггер... не отличался привычкой к принятию каких бы то ни было авторитетов" (с. 41), "дать на данный вопрос ответ" (с. 47), "Юнгер... пользовался пристальным вниманием философа" (с. 51), "опираясь на его содержимое (речь идет об отдельном томе из GA, посвященном Юнгеру –

прим. А.Ф.), можно прийти к выводу", "в подтверждение своих догадок приведу мнение Фалёва" (с. 60), "Для Хайдеггера рассуждения Ницше о смерти Бога – это последняя вежа метафизики, поглощающей собственный хвост" (с. 179), "как уже было объяснено выше, по концепции Хайдеггера, человек..." (с. 182).

К числу мелких замечаний можно отнести то, что Хайдеггер не был студентом Риккерта, как Мария Борисовна утверждает на странице 44, но писал под его руководством докторскую диссертацию "Учение Дунса Скота о категориях и значении".

Есть несколько неточностей в написании и передаче смыслов немецких слов. Во-первых, слово "Vereinigung" неправильно толкуется Марией Борисовной как "особствливание, сбывание себя" (с. 82). Как раз наоборот, "Vereinigung" означает объединение, то есть, если и прибегать к неологизмам, то скорее, раз-собствливание, объединение, отчуждение от себя в пользу многих. Во-вторых, слово "Anfang" в немецком языке мужского рода, поэтому вместо "erste Anfang" (например, стр. 132) должно быть "erster Anfang". В-третьих, как представляется, устоявшимся переводом слова "Abendland" является все-таки не "страна заката", а Старый Свет.

Не в качестве критики, а в качестве приглашения к будущим размышлениям хочется попросить Марию Борисовну попытаться прокомментировать перформативный эффект историко-философской диссертации, посвященной концепции бытийной истории Хайдеггера. Диссертант явным образом симпатизирует Хайдеггеру, всячески подчеркивая революционный характер его мысли по сравнению с предшествующей философией. Эту симпатию можно истолковать и таким образом: концепция бытийной истории позволяет обнаруживать такое нечто, которое всегда будет оставаться в слепом пятне для традиционных историков. В этой связи возникает вопрос: написана ли диссертация с позиций бытийной истории или с позиций традиционной историографии? Почему так, а не иначе? Следует ли полагать, что один способ репрезентации данной концепции должен быть впоследствии уравновешен и дополнен другим, или же это невозможно?

Указанные замечания, однако, не умаляют добротности диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В.Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.7.2. История философии (по философским наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5, 3.1 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова. Диссертация оформлена согласно приложениям

№ 8, 9 Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Митлянская Мария Борисовна заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата философских наук по научной специальности 5.7.2. История философии.

Официальный оппонент:

кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии и теории познания философского факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова»

Фомин Антон Львович

9 октября 2023 г.

Контактные данные:

тел.: +7(495) 939-14-21; ontol@philos.msu.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация:

09.00.01 – Онтология и теория познания

Адрес места работы:

119234, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, к. 4

(учебно-научный корпус «Шуваловский»)

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», философский факультет, кафедра онтологии и теории познания.

Тел.: +7(495) 939-19-25; e-mail: info@philos.msu.ru

Подпись А.Л. Фомина удостоверяю:

Ученый секретарь

философского факультета

МГУ имени М.В. Ломоносова

кандидат философских наук

Н.Ю. Ключева

«10» октября 2023 г.